

ОТЕЦ АЛЕКСАНДР
МЕНЬ

ПОЧЕМУ
НАМ ТРУДНО
ПОВЕРИТЬ
В БОГА

МОСКВА

УДК 271.2
ББК 86.372
М51

В оформлении книги использованы фотографии
из личного архива *Михаила Меня*

Мень, Александр Владимирович.

М51 Почему нам трудно поверить в Бога / отец Александр Мень. — Москва : Эксмо, 2025. — 224 с. — (Александр Мень. Священник, пастырь и пророк).

ISBN 978-5-04-201433-8

«Почему нам трудно поверить в Бога» отца Александра Меня — это диалог в формате «вопрос-ответ». Александр Мень — священник Русской православной церкви конца XX века. Пастырь, проповедник, богослов, просветитель, автор множества книг, разошедшихся большими тиражами. Ответы на вопросы — особая форма живого слова, требующая широкого кругозора, богатого жизненного опыта, погруженности в душепопечительство. Отец Александр обладал даром говорить просто даже о самом сложном. Простота, доступная для понимания, при этом обладающая большой глубиной. Книга будет интересна всем, кто ищет ориентиры и укрепления в вере.

УДК 271.2
ББК 86.372

ISBN 978-5-04-201433-8

© Мень М., текст, 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЧЕМУ НАМ ТРУДНО ПОВЕРИТЬ В БОГА?	7
ЧЕЛОВЕК, ВСЕЛЕННАЯ, ТВОРЕЦ.	105
ОСНОВЫ ХРИСТИАНСКОЙ ВЕРЫ	131
ОТ ВЕТХОГО ЗАВЕТА К НОВОМУ.	143
ФЕНОМЕН ЧЕЛОВЕКА.	161
ВЕРА И ЧУДЕСА	166
ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ.	168

ПОЧЕМУ НАМ ТРУДНО ПОВЕРИТЬ В БОГА?

(Беседа за круглым столом)

Предлагаемая беседа не претендует на исчерпывающее освещение темы и затрагивает лишь некоторые из проблем подхода к вере. Беседа велась в узком домашнем кругу и была записана его слушателями и участниками. Хотя текст несколько отредактирован и сокращен, он сохранил непосредственность живой речи собеседников.

Прот. Александр Мень. 1979–80 гг.

ВЕДУЩИЙ: Наша беседа условно, повторяю, условно называется «Почему нам трудно поверить в Бога?» Вопросы, которые мы задаем о. Александру, конечно, для каждого свои и в то же время для многих — общие.

Часть их в записках — мы их не подписывали, и, вероятно, потом можно будет еще свободно побеседовать. Ну вот и все, представляю слово о. Александру.

О. АЛЕКСАНДР: Я почти никого из вас не знаю, но записки показывают, что одни прошли определенный путь, другие же — только у его начала.

ВОПРОС: В моем случае два главных препятствия к вере — слова и люди. Для меня очевидно, что все, что я читаю и слышу о Боге, суть человеческие чувства, слова и мысли. Человеческие, слишком человеческие. И Библия, и Новый Завет тоже. Человеческое происхождение десяти заповедей слишком очевидно. Только «возлюби врага своего», может быть, Оттуда. Но и это мог сказать нравственно гениальный человек, почему бы нет?

Я не могу повторять молитвы, потому что их придумали люди. Я не могу верить чужим домыслам и речам о Боге. Мне кажется, что мне легче было бы поверить, если бы не было Церкви, если бы не было верующих, если бы о Боге никто ничего не знал, а главное, не говорил. Вера должна быть внутренним открытием, откровением. И я хочу верить,

Почему нам трудно поверить в Бога?

очень хочу — слишком уж тяжело, слишком уж скучно без Бога. Как же сделать, чтобы религия не мешала мне верить?

О. АЛЕКСАНДР: Как ни странно, разделение правильное. Действительно, под словом «религия» — не в обычном, разговорном, а в строгом смысле слова — следует понимать те психологические, культурные, социальные формы веры, в которые она отливается, а можно даже сказать, что религия в таком определении есть феномен в значительной степени земной, человеческий. Между тем вера есть встреча двух миров, двух измерений, она является центром, ядром, средоточием духовной жизни человека, которая соприкасается с Высшим.

Религия тесно связана с обрядом, а слово «обряд» происходит от слова «обрядить», «одеть». Религия и обряд облачают внутреннюю жизнь в определенные формы, создают социальное и культурно-традиционное русло для веры.

Есть тут еще одно правильное замечание, что вера должна быть внутренним открытием. Да, вера никогда не может быть чем-то принятым только извне. Никогда она не может быть просто заимствована; ее нель-

зя надеть на себя, как мы надеваем чужую одежду. Человек всегда должен находить ее внутри. В нем открывается то духовное зрение, которое созерцает мир по-иному и видит иной мир. Однако и возникшие на этой основе религиозные формы имеют свою ценность. Они помогают установить связь между людьми. Слова, которые кажутся мешающими, оказываются мостами, хотя они иногда не в состоянии точно и адекватно передать духовный опыт. Они всегда символ, икона, миф, и в определенных условиях эти знаки говорят о многом.

Люди, тонко чувствующие, очень близкие между собой, легко понимают друг друга без слов, но в большинстве случаев нам нужна словесная информация. Отбросить ее совсем человек не может. Все дело в том, что стоит за словом и формой. Когда я читаю любимого поэта, за строками я угадываю невыразимое. Но если между мной и поэтом нет ничего общего, его стихи окажутся для меня мертвым набором слов. Наверное, многие из вас замечали, как по-разному мы воспринимаем одну и ту же книгу в разном возрасте при разных обстоятельствах и настроениях.

Приведу эпизод из биографии русского богослова Сергея Булгакова. В молодости,

когда он был еще атеистом, он ездил в Германию на конференцию в Дрезден и в перерывах заходил в галерею. Там он подолгу стоял перед Сикстинской Мадонной, потрясенный духовной силой, исходившей от нее; это стало одним из моментов его духовного переворота, когда он открыл в себе христианина, который в нем жил всегда. Потом, много лет спустя, уже священником и богословом, он вновь оказался в Дрездене. Картина, к его удивлению, уже ничего ему не говорила. Он пошел дальше того первого шага к вере, который он сделал в пору молодости.

Итак, многое зависит от того, каково устройство человека в данный момент. Но это не зачеркивает роль образов, символов и слов. Нет ничего унижительного в том, что весть о духовной тайне часто доходит до нас с помощью человеческих средств. Не надо презирать слово «человеческое». Человек сам есть чудо и тайна, он несет в себе отблеск Бога. Как-то Честертон сказал, что, если бы ласточка, сидя в гнезде, пыталась строить философские системы или писать стихи, мы были бы крайне поражены. Но почему мы не поражаемся тому, что какое-то позвоночное, скованное законами биологии, думает о том, чего оно не мо-

жет пощупать руками, увидеть глазами, мучается проблемами, которых нет в природе?

Сам человек всем своим существованием указывает на реальность какого-то иного плана бытия. Этот факт дан нам непосредственно. Его не надо «вычислять» или «выводить». Каждый из нас несет в себе удивительную загадку духа, того, чего нет ни в одном организме, ни в одном камне, ни в одной звезде, ни в одном атоме, а только в человеке. В нашем теле преломляется весь комплекс мироздания, вся природа, а что отражено в нашем духе? Не высшая ли духовная Реальность? Именно потому, что мы обладаем духом, мы можем быть проводниками этой Божественной Реальности.

Конечно, есть личности, через которых Бог является с особой очевидностью и силой. Это святые, пророки, мудрецы. Их свидетельства о мистическом опыте драгоценны для нас, как драгоценны творения великих гениев, постигших законы красоты, гармонии, сложных структур природы. Но мы, христиане, знаем, что высшее откровение Бога явлено нам через личность Христа. В связи с этим обращусь к следующей записке.

Почему нам трудно поверить в Бога?

ВОПРОС: В евангельском повествовании я вижу подлинный исторический факт, преломленный сознанием современников, перешедший в миф, а затем в догмат, я вижу историю, произошедшую с живым человеком, но с человеком, и только.

Я пришла к этому сама, раньше, чем прочла Ренана и Штрауса. Из всего очевидно, что Иисус Христос был гениальной личностью, несравненно опередившей уровень нравственного развития своих современников-соплеменников. Возможно, это был даже мутант, феномен, человек иной породы — какой-то гений с особой психологической силой проникновенности, как встречаются иногда гении памяти или музыкальности, с качественно иным мозгом, нежели у всех прочих. Но очевидно, что это был человек своего времени, с сознанием, присущим своей эпохе.

Неудивительно, что, живо ощущая Свое отличие от окружающих, Он поверил, что Он сын Бога, и Ему поверили Его ученики; в этом нет ничего удивительного, такая вера вполне соответствовала всему контексту тогдашнего мировоззрения и многовековому ожиданию Мессии (сейчас новых «сыновей божьих» быстренько упрятывают в психдома). Как все (и нынешние) фанати-

ки чистой веры, Он был великим гипнотизером, а в соединении с высоким интеллектом и психологической одаренностью это могло производить ошеломляющее впечатление, стократно преувеличенное в мифологической версии.

О. АЛЕКСАНДР: Прежде всего я должен заметить, что нравственное учение Христа не так уж опередило свое время, как кажется на первый взгляд. Большинство моральных максим Евангелия можно найти у Будды, Конфуция, Сократа, Сенеки, в иудейской письменности, включая Талмуд. Некоторые исследователи даже специально занимались этим и доказали, что в области этики у Христа было мало нового.

Далее. «Многовековое ожидание Мессии», о котором сказано в записке, было связано с фольклорными мотивами, сильно отличающимися от Евангелия. Мессия должен был явиться во главе полчищ человеческих и ангельских, он должен был немедленно попать язычников, изгнать их из Иерусалима, установить всемирную державу и пасти мир «жезлом железным». Были и другие представления, но господствовали эти — популярные. Их разделяли и ученики Иисуса. Если вы вниматель-

но читали Евангелие, то помните, как они все время ждали награды, делили будущие места у трона Мессии, словом, их понятия вначале были грубыми и примитивными.

Штраус, упомянутый здесь, в своей книге воссоздал якобы из текстов традиционный образ Мессии и потом пытался доказать, что все черты Спасителя перенесли на Иисуса. Но дальнейшее исследование показало, какая пропасть разделяет Христа от традиционного мессианизма.

Почему же люди поверили в Иисуса? Потому ли, что Он был гениальным пророком, провидцем, мутантом, гипнотизером? Но почему тогда Он жил и действовал, не заботясь об успехе? Ведь когда Христос пришел, Он не был уважаемым и любимым всеми, прославленным мудрецом вроде Сократа или Будды, который вербовал преданных учеников из высших классов и просвещенных брахманов. Он не опирался на земную власть, как Конфуций, Заратустра, Магомет и Лютер; Он не обращался к силе теоретических аргументов, не делал чудеса орудиями пропаганды. Он исцелял, сострадая, и просил людей, чтобы они не разглашали Его деяний. Гениальность? Но, как я уже сказал, у Него не было новой этической док-

трины, зато было множество врагов, которых считали почтенными и уважаемыми людьми. Если бы Он был всепобеждающим гипнотизером, что стоило Ему завоевать расположение этих фарисеев и саддукеев? Почему Он не совершил духовного насилия над учениками? Почему избрал людей, которые потом отреклись, предали, разбежались, которые так плохо понимали Его?

Нет, гениальный гипнотизер никогда бы не стал привлекать к себе этих слабых, темных, неграмотных рыбаков. И вообще он действовал бы совершенно иначе. Он делал бы ставку не на низы общества. Он, конечно, проник бы в высшие богословские школы и силою своего воздействия заставил бы мудрецов Израиля поверить в него. А те, в свою очередь, на вербовали бы ему толпы приверженцев. Он был бы рад, когда народ решил провозгласить его царем.

Христос же, узнав об этом намерении, скрылся. Как это мало похоже на действия фокусника-демагога, который хочет путем сенсации создать себе славу и обрести власть над народом.

Ренан говорил, что есть семья «сынов Божиих», куда включил кроме Иисуса Будду, Конфуция, Заратустру, Магомета, Сократа и пророков. Но что удивительно, ни один

из них не имел самосознания, подобного самосознанию Христа. Будда пробирался к истине долгим тернистым путем, Магомет писал в Коране, что в сравнении с Богом он подобен трепету комариного крыла. Пророк Исая считал, что он должен умереть, после того как Господь явился ему. Конфуций утверждал, что тайна Неба превосходит его понимание. Все они, возвышаясь на много голов над человечеством, управляя и сейчас миллионами людей, — все они смотрели на Божество снизу вверх: они признавали Его безмерность. Кроме того, все они так или иначе чтили древние авторитеты.

Только Христос говорил и мыслил иначе. Мы можем не верить Ему, можем повернуться спиной к Его свидетельству, но именно тут — главная Его загадка. Он создал христианство не как некое отвлеченное учение, а посеял семена Царства Божия на земле. Он открыл небывалую возможность Богообщения — без экстазов, механических приемов, без «бегства от мира». Это общение с Богом осуществляется через Него Самого.

Он не оставил миру ни Коран, ни Тору, ни какие-либо другие скрижали. Он не оставил закона, а оставил Самого Себя. «Я с вами во все дни до скончания века», —

сказал Он. Вся суть христианства заключается в этих словах: Я с вами. Путь к Нему открыт каждому верующему в Него. Он реально присутствует в нашей жизни, а не Его учение. Учение нам дорого именно потому, что оно исходит от Него. Он жив не как гений, дело которого живет, а вполне реально. Только поэтому и существует христианство.

Жизнь со Христом и во Христе есть единственное и уникальное, что дали нам события в Палестине 2000 лет назад. Церковь жива не только людьми, а прежде всего силой Духа Христова.

ВОПРОС: Не кажется ли Вам, что причиной того всемирно-исторического поражения, которое терпит христианство как нравственно-воспитывающая сила (терпит, правда, с истинно христианским терпением), является изгнание из него творческого, в высшем смысле революционного духа, того динамизма преобразующей энергии, того духа свободы, который был столь присущ Христу и столь не присущ апостолу Павлу? Если можно, немного — о точке зрения, согласно которой христианство в действительности не есть христианство, но — павлианство?

О. АЛЕКСАНДР: Я думаю, что этот вопрос построен на недоразумении. Павел был первый, кто сумел в человеческих словах донести до нас тайну видения Христа. Он писал раньше Евангелий. Это тот человек, который говорил: «Уже не я живу, но живет во мне Христос»¹. Павел узнал тайну Христа и сумел рассказать о ней людям. Миллионы людей после этого приобщились к этой тайне. Он не говорил ни о деле Христовом, ни об институте, Им оставленном, а говорил о встрече — личной встрече человека со своим Спасителем.

Что касается его революционности и свободы, то можно сказать, что из всех апостолов Павел возвышается как непревзойденная величина: он сумел увидеть резкую грань между традициями, человеческими изобретениями, преданиями, обрядами, законами, даже данными некогда Богом, — и свободно развивающейся Христовой истиной. «К свободе призваны вы, братья», — говорил он². «Вы куплены дорогою ценой. Не делайтесь рабами человеков»³.

Апостола Павла называют апостолом язычников, потому что он один из первых

¹ Гал. 2:20.

² Гал. 5:13.

³ 1 Кор. 7:23.

стал проповедовать эллинистическим народам. Но его можно с таким же правом, и даже с большим правом — потому что других апостолов у язычников тоже было немало, — назвать апостолом свободы. Я уверен, что мы еще не доросли до апостола Павла, что большинство из нас, христиан, до сих пор еще законники, стоящие одной ногой в язычестве. Апостол Павел — христианский учитель будущего. Поэтому мы не можем сказать, что возникло некое «павлианство», а мы можем говорить о том, что Павел явился наиболее адекватным и полным выразителем богочеловеческой истины христианства.

Что касается поражения, то Христос нам не предсказывал триумфов. Напротив, Он говорил о великих трудностях, которые будет встречать Церковь на историческом пути. Но как нравственно воспитывающая сила христианство присутствует в мире.

Однако мы не должны отождествлять эмпирическое христианство, массу христиан с подлинным христианством. Древние библейские пророки создали такой термин, очень емкий и многоплановый термин — *ше'ар*, «остаток». Остается ядро. Остаются те, которые будут продолжателями и носителями духа Божия.